

Михаил ИОРДАН

Наука национального примирения

Конфликтология на Западе (в том числе этническая и расовых отношений вообще) — «старая» наука, имеющая солидный стаж. Чтобы убедиться в этом, достаточно назвать имена таких ученых, как Г. Зиммель (которого называют «Фрейдом социологии»), К. Боулдинг, Л. Козер, Р. Да-рендорф, Д. Локвуд, Д. Колман, П. Блау, Д. Шварц, У. Буханнан, М. Глюкман, А. Билз, Б. Зигель, А. Безансон, З. Бзежинский, Б. Крознер, М. Регистер, М. Яновиц, З. Павлюк, Р. Суни, Г. Лапидус, Р. Фишер, У. Юри, С. Тоннесон, Дж. Демко, Д. Копстейн, Д. Линдгрэн и многих других.

Иное положение у нас, где этноконфликтология получила развитие сравнительно недавно. Хотя отдельные работы, связанные главным образом с критикой немарксистских взглядов (кстати, что-либо позитивное в так называемый «застойный» период и можно было сказать, лишь прибегнув к такой инверсии), все-таки появлялись². Если же быть более конкретным, то нужно отметить, что появление и последующая затем «эскалация» публикаций по отдельным аспектам названной проблемы пошли вслед за резким обострением в регионах межнациональных конфликтов³.

Определяя место этноконфликтологии в ряду других направлений этнологических исследований (этносоциологии, этнополитологии, этнопсихоло-

¹ См., в частности: Петтигрю Т. Ф. Расовые отношения в Соединенных Штатах Америки: социологическая перспектива. «Американская социология. Перспективы. Проблемы. Методы». М., 1972; Ethnic Diversity and Conflict in Eastern Europe. Oxford, 1980; Ethnic Groups and the State. London, 1985; Ethnic Conflict. Sage, 1987; The Nationalities Question in the Soviet Union. London—New York, 1990.

См., например: Современная американская этнография. Теоретические направления и тенденции. М., 1963; Ко н И. С. Психология предрассудка: о социально-психологических корнях этнических предрассудков. «Новый мир», 1966, № 9; А в е р к и е в а Ю. П. Этнография и культурная (социальная) антропология. «Советская этнография», 1971, № 5; Ручка А. А., Т а н ч е р В. В. От идеологии «равновесия» к социологии конфликта. «Социологические исследования», 1977, № 3; Актуальные проблемы этнографии и современная зарубежная наука. Л., 1979; и др.

См. Социально-политические конфликты в межнациональной сфере. Причины возникновения и пути урегулирования. «Военный вестник», 1990, № 11; Иордан М. В., Реджепова О. С. К концепции межнациональных конфликтов. «Научный коммунизм», 1990, № 3; Противоречия в национальных отношениях и поиски межнационального консенсуса. М., 1990; П а и и Э. А., П о п о в А. А. Межнациональные конфликты в СССР. «Советская этнография», 1990, № 1; Социально-политические конфликты в сфере межнациональных отношений и пути их разрешения. М., 1990; О разработке общей концепции механизма преодоления межнациональных конфликтов. Ч. 2. М., 1991; Межнациональные проблемы и конфликты: поиски путей их решения. Ч. 1—2. Бишкек, 1991; и пр.

Иордан М. В. — доктор философских наук, ведущий научный сотрудник лаборатории философских проблем этнологии Института философии РАН.

гаи, этнофилософии и т. д.), нельзя не сделать предварительной корреляции этой науки с исследованиями конфликтности вообще.

Конфликт как феномен общественной жизни является объектом изучения многих обществоведческих дисциплин — политологии, социологии, политической экономии, психологии, истории и пр., в том числе и этнографии, где конфликт предстает (например, в виде этнофобии) как специфическое проявление социального в национальном (этническом). Тем самым подчеркивается социальная сущность и подоплека любых этнонациональных явлений конфликтогенного характера.

Однако как ни важна характеристика этих явлений с социальной стороны, она все-таки однобока, ибо не охватывает их этнонационального своеобразия. Впрочем, она и не предназначена для этого. Чтобы отразить эту вторую — этнонациональную — сторону явлений, нужен другой контекст: понимание их не как вообще конфликтогенных, а именно как этно(на-цио)конфликтогенных по своему характеру. Но вот тут-то и не обойтись без определения места этнического (национального) конфликта в системе этнологического знания.

Названный конфликт служит предметом анализа в этнополитологии и этносоциологии, этнодемографии и этноэкологии и т. д. Словом, отсекает от всех этих отраслей знания определенную часть своего предмета, что, в свою очередь, позволяет охарактеризовать этнологию в целом как науку, имеющую не переменным предметом своего изучения этнический конфликт. Иначе говоря, такую коллизию, которая представляет собой особое (этнонациональное) воплощение социального противоречия. А в более широком плане — аккумуляцию этнонационального в социальном.

Таким образом, этнический конфликт как двуединая коллизия — частного и отдельного, социального в этнонациональном и, наоборот, этнонационального в социальном — входит в систему этнографического и одновременно этнологического знания. И потому может получить достаточно полную, всестороннюю разработку лишь в этой системе координат.

Рассмотрим теперь (имеющий самое прямое отношение к последующему изложению) вопрос о соотношении категорий «противоречие» и «конфликт». Думается, связь между ними такова: конфликт — это субъективная форма существования и развития объективных противоречий общественного процесса. (Кстати, если это так, то данное определение справедливо для всякого рода конфликтов, в том числе и межнациональных.)

Другими словами, конфликт — суть субъективный «слепок» с объективных противоречий⁴. Социальные противоречия всегда облачены в субъективную форму. Вне субъективной оболочки социальные противоречия не проявляются. Противоречия и конфликты сопряжены таким образом, что за конфликтом скрывается противоречие, а последнее отягощено первым. Далее. Если налицо конфликт, то ищи противоречие. И, наоборот, если есть противоречие, то жди конфликта. Противоречие потенциально несет в себе конфликт. Конфликт же — это уже актуализированное противоречие.

Вышесказанное, очевидно, облегчает выявление специфики межнационального конфликта. Последний можно определить как отражение внутреннего отношения национальных общностей к проводимой в данное время национальной политике. Межнациональный конфликт — это не просто столкновение в сфере национальных отношений, а выражение противоре-

⁴ Это отнюдь не означает, что последние безличны или анонимны. Нет, они персонифицированы. Но все дело в том, что конкретные носители этих противоречий (допустим, отдельные члены национальной общности или ее группировки) выступают здесь не в качестве самостоятельных величин, в данном случае — национальных индивидуальностей, а репрезентантами системы, к примеру, многонационального государства, куда они входят как его составные части.

чия. между разными сторонами одной и той же общественной потребности в национальном развитии, которое проявляется в оппозиционном общении национальностей, как на индивидуальном, так и на групповом уровнях.

Межнациональный конфликт в известном смысле двуслоен. В нем «закодированы» как история противоречивого взаимоотношения столкнувшихся национальностей, так и их современный спор. Ясно, что разгадать эту «шарату» без обращения к анализу причин, приведших представителей различных национальностей к взаимной конфронтации, не представляется возможным. В свете этого понятно, что этническая конфликтология, по определению, «обречена» прежде всего на изучение корней, истоков и причин межнациональных коллизий.

Начнем, пожалуй, с самого верхнего этажа. Посмотрим, как может выглядеть одна из причинных версий с позиций социальной философии. Но оговоримся: речь пойдет о причинах межнациональной напряженности — этой непосредственной предтечи этнических конфликтов — не вообще, применительно к любому региону мира, а лишь к нашей стране, да и то в ее постреволюционное время (т. е. после октября 1917 г.).

Прежде всего спросим, корректна ли постановка вопроса о поиске одной — основной — причины межнациональной напряженности? Думается, что правомерна, хотя и сознаем: у этой точки зрения оппонентов более чем достаточно. Правомерность эта предполагает наличие такой концепции общественного развития, из которой искомая причина вытекала бы как одно из ее следствий. Не вдаваясь в подробности⁵, отметим, что в основу принятой нами концепции легло представление о парадоксальной ситуации, в которой оказалось наше общество в результате Октябрьской революции. Частная собственность была упразднена, а до общественной было еще далеко, как, впрочем, и сегодня.

Находясь в таком положении, общество должно было либо погибнуть, либо что-то предпринять (для своего существования и выживания). Выбрав второй путь, оно не погибло. Но сохранилось оно благодаря тому, что общественной собственности был найден эквивалент в лице государственной собственности. Отсюда вместо обобществления — огосударствление всего и вся, чему в политике соответствовал курс на сверхцентрализацию и крайнюю бюрократизацию⁶.

Если теперь взглянуть на национальную политику государства (фактически — правящей тогда партии), то нетрудно понять, почему, с одной стороны, проводился курс на ускоренную интернационализацию, а с другой — на денационализацию народной жизни. Форсированная интернационализация нужна была, чтобы сломать сами устои национальной жизни, денационализация же — чтобы завершить этот процесс сверху. Путем отсекаания своеобразия и самобытности народов сглаживались «неровности» складывающегося общесоветского массива, именуемого советским народом. Такой «человеческий фактор» мог восполнить собой отсутствие адекватного природе нового строя человеческого материала. Цена достигнутого оказалась слишком дорогой — деградация народной, национальной жизни, рав-нозначная, по сути, распаду и разложению самого общества.

Августовская (1991 г.) антитоталитаристская революция подтвердила, что без демократии вообще, без самой решительной демократизации наци-

⁵ Интересующихся упомянутой концепцией в ее сравнительно развернутом виде отсылаем к работе: Семенов В. М., Иордан М. В., Сагамонов В. А. Межнациональные противоречия и конфликты в СССР (опыт социально-философского анализа). Гл. I. М., 1991.

⁶ Объяснение не есть оправдание. Хотя оно и дает повод думать об обратном. В данном случае потому, что, указывая на некоторые основания социальных бедствий, обрушившихся на народ в советское время, как бы извиняет ответственных за эти самые бедствия.

ональных отношений в особенности развитие многонациональной страны обречено на бег вспять. Это же событие помогло одновременно по-иному взглянуть и на межнациональную напряженность, и на возникающие на ее фоне этнические конфликты.

Коренная, основная причина, порождающая межнациональную напряженность, кроется не в социализме и интернационализме, а в квазисоциализме и псевдоинтернационализме. Поэтому в той мере, в какой наша национальная политика оказалась «замешанной» на этой антинародной основе, она и есть идейно-политический продукт межнациональной напряженности, поскольку ей хорошо знаком лишь один путь удовлетворения общенациональных, общегосударственных интересов: за счет собственно национальных интересов в развитии своего родного языка, национальной культуры, национального самосознания и т. д. И, как правило, посредством лишения последних необходимого для них материального и иного обеспечения. Наглядным подтверждением чего может служить современное состояние народной культуры вообще, национальной в особенности, начиная от бытовой и кончая культурой межнационального общения.

Понятно, что национальная политика, преследующая непропорционально большое отчуждение средств в пользу Центра, вызывает ответную реакцию. Но весь вопрос — какую? К сожалению, далеко не адекватную. Недовольство зачастую экстраполируется не на подлинного виновника ухудшающегося или бедственного положения народов, а на их соседей. Было бы, конечно, лучше, если бы они вместо взаимных претензий друг к другу сообща вырабатывали требования к изменению национальной политики. Однако уровень национального самосознания пока в целом таков, что негативная форма выражения протеста по сравнению с конструктивной оказывается нередко доминирующей, а то и самодовлеющей. И до тех пор пока этот негатив будет иметь место, межнациональные отношения не могут не носить конфликтогенного характера.

Но это, конечно, не значит, что межнациональная напряженность может обязательно разрядиться этническим конфликтом. Она может так и остаться его потенциальным источником. Тут многое зависит от способа, каким хотят снять эту напряженность: силовым, конфронтационным (хотя под снятием в этом случае мыслится скорее загон ее под пресс угроз) или же, напротив, ненасильственным, согласительным. Никакой фатальной предопределенности здесь нет.

В этой связи трудно переоценить всю значимость взаимоучета интересов столкнувшихся сторон. Только соблюдение этого принципа способно не допустить сползания начавшегося противостояния в открытое противоборство. Но это возможно лишь в том случае, если каждая из сторон межнационального конфликта откажется от удовлетворения своих собственных интересов за счет ущемления интересов другой стороны.

Думается, нагорно-карабахский конфликт можно было бы погасить в зародыше, если бы азербайджанская сторона (верхи которой повинны, очевидно, в том, что проводили национальную политику в республике, не учитывая в должной мере менталитет и духовные запросы армянского населения Нагорного Карабаха, чем и вызвали в итоге претензии к себе со стороны последнего) с самого начала твердо заявила, что не исключает в принципе права численно доминирующего народа данного региона на самоопределение своей национальной судьбы (в чем реально и выразился бы ее отказ от ущемления интересов оппозиционной стороны). А армянская сторона, в свою очередь, не давала бы поводов думать, что реализация ее требований напрямую связана с максималистским вариантом самоопределения — выделением региона из состава республики, воспринимавшимся азербайджанцами как нарушение ее территориальной целостности (и тем самым тоже якобы ущемляющим их национальный интерес).

Основная причина, вынуждающая национальные общности удовлетворять свои интересы за счет других народов, заключается, скорее всего, в том, что все они — хотя и в разной мере — ограничены в своих возможностях на самобытное устройство национальной жизни. В их собственных интересах было бы полезнее трансформировать свое недовольство в требование кардинального переустройства многонационального сообщества, в котором они живут. Но коль скоро мы являемся сейчас, по видимому, свидетелями погружения народов преимущественно в ситуацию межнациональной разобщенности, нужно, чтобы должное, каким бы оно ни было желательным, не заслоняло от нас той действительности, которую надо пережить. А для ее нормализации нужен новый подход, основанный прежде всего на знании механизма сочетания (согласования) противоречивых интересов, где компромисс выступает как реальная мера их взаимоучета.

Максима, которой следует здесь руководствоваться, на первый взгляд, достаточно проста. Субъекты межнациональных отношений должны удовлетворять свои интересы посредством их взаимопроникновения: интерес своего народа — через интерес другого, а интерес последнего — через интерес первого. Иначе говоря, каждый народ свой национальный интерес (особенно в экономической сфере) не может удовлетворить только за счет собственных усилий. Нужен еще дополнительный внешний источник, что зависит, между прочим, от отношения данного народа к другим, в первую очередь к своим соседям. И если это отношение негативно, то рассчитывать на полноту удовлетворения интереса своего народа не приходится. Он будет испытывать постоянный дефицит в политической, экономической и культурной сферах. А это, в свою очередь, будет провоцировать его на внешние «подвиги». И тем самым еще больше ухудшать вокруг него межнациональную ситуацию. Вот почему столь важно помнить, что прежде всего в собственных интересах народа не идти на конфликт с соседями, хотя бы даже конфликт и диктуется «национальными интересами».

Однако как ни ценно знание механизма сочетания (согласования) интересов столкнувшихся сторон, само по себе оно не может служить гарантией урегулирования межнациональных конфликтов. Это знание может сыграть свою роль лишь тогда, когда налицо обоюдное желание сторон найти выход из межнационального тупика, в котором они оказались.

А между тем иллюзии относительно способности «правильных», научно обоснованных разработок оказать чуть ли не решающее воздействие на улучшение межэтнических отношений в сегодняшнем общественном сознании распространены довольно широко. До сих пор еще не понятно до конца (разумеется, теми, кому это надо понимать в силу занимаемого ими положения), что в реальном состоянии национальных отношений «закодирована» мера как их освоенности обществом, так и не освоенности. И, следовательно, всякий, кто причастен к их регулированию, должен иметь вполне конкретное, предметное представление о степени податливости этой тонкой «материи» к изменениям в желаемую сторону. Поэтому научные разработки прагматично эффективны в той мере, в какой они ориентированы на учет реальной, а не воображаемой или идеальной ситуации.

Почему, скажем, не сработали многие рекомендации, направленные на снятие нагорно-карабахского конфликта, да и некоторых других? Очевидно, отчасти и потому, что не учитывалась разноудаленность конфликтантов от нормы взаимоотношений между ними (разумеется, не вообще, а в данное время и при данных обстоятельствах). А следовательно, и глубина их потенциального отчуждения от того объема ценностей, которыми они могли бы обладать, не будь препятствий для их освоения. Негативное в общественных (в том числе и национальных) отношениях является, по сути, ничем иным, как реакцией субъектов этих отношений на невозможность проявить в полной мере свою собственную, социальную природу.

Понятно, что названную разноудаленность участников конфликта социологически трудно замерить. Но это не должно быть равнозначным отказу вообще от определения в данной конкретно-исторической обстановке нормы межнациональных отношений. Ибо представление о такой норме оказывается нужно не только для прогнозирования национально-позитивного, но и для оценки возможностей преодоления национально-негативного.

Новое мышление в национальном вопросе, которое столь часто склоняют почти по всякому поводу, есть прежде всего мышление, проникнутое установкой на межнациональный консенсус — основной способ как предотвращения этнических конфликтов, так и их разрешения (снятия).

Ясно, что межнационального согласия легче добиться на прото- и предконфликтной стадии, чем на стадии собственно межнационального конфликта, особенно заблокированного, который, по мнению этноконфликтологов, является наиболее трудноразрешимым. А таковых в регионе бывшего СССР, можно сказать, большинство. Однако это не значит, что здесь все безнадежно. Нужны попытки деблокировки межнациональных конфликтов. Думается, для этой цели может быть использована идея З. Фрейда о «прокручивании» в ходе диалога конфликтующих сторон истории их взаимоотношений. Это в сущности совпадает и с рекомендациями зарубежных конфликтологов.

Так, индийский исследователь К. Рупесинхе считает, что при наличии обостренной межнациональной ситуации важна организация множества контактов между представителями конфликтующих народов. «Людям,— пишет он,— нужно дать выговориться, изложить свои проблемы и претензии. Делать это нужно в присутствии и с помощью специалистов, ориентирующихся в данной проблеме и в способах урегулирования конфликтов»⁷.

Разумеется, описанный вид этнотерапии предполагает у участников конфликта наличие определенной степени доверия друг к другу. Иначе говоря, он годен не во всех случаях. А применительно к современной ситуации национальных отношений — лишь в отдельных. Но на этом основании его вряд ли разумно было бы совсем исключать из арсенала средств «лечения» межнациональных распрей. Напротив, можно предположить, что в перспективе этому средству будет принадлежать более заметная роль.

В совокупности этнотерапевтических мер большая роль принадлежит, несомненно, искусству перевода конфронтационного отношения в диалог его субъектов и не в последнюю очередь умению прервать тупиковую логику спора конфликтующих сторон. Что же в этой связи представляется рациональным?

Известно, что типичными в тупиковой ситуации являются признание каждой из конфликтующих сторон своей правоты и возложение на другую сторону ответственности за создавшуюся ситуацию. Прибавление аргументации сторонами в пользу своих точек зрения уже ничего не дает, а только возвращает каждую из них на исходные позиции. Продвижения нет, продолжается топтание на месте. Однако выбраться из «ямы», в которой находятся обе стороны, все-таки надо. Но весь вопрос, как? Вот здесь-то и должна прийти на помощь мудрая логика здравого смысла, которая всегда выше логики безоглядного противоборства.

Вообразим: согласительный ареопаг, образуемый на паритетной основе из авторитетов обеих спорящих сторон, предлагает продолжить диалог, но с

⁷ Межнациональные конфликты в СССР: поможет ли нам зарубежный опыт? «Независимая газета», 25 июля 1991.

оговоркой, что он будет вестись по другому (чем прежде) сценарию. И представители согласительной комиссии, несмотря на продолжающиеся всплески эмоций, начинают проводить в конфронтующей среде новую стратегию разговора. Суть ее — в попытке изменить первоначальный подход к проблеме и увидеть ситуацию с иной точки зрения. Ведь если раньше каждая из сторон считала себя правой, а противоположную — виноватой, то не лучше ли признать, что как правда, так и ложь поделены между спорящими, пусть и не поровну.

То есть ни одна из сторон не является всецело ни носителем добра, ни носителем зла. А раз так, то не разумнее ли допустить, что у каждого из нас есть своя правда (своя доля правды), но вместе с тем и доля заблуждения. Значит, каждому из нас надо осознать, в чем он прав и в чем виноват.

Хорошо известно, что развязка межнационального конфликта оказывается нередко затрудненной из-за того, что между его участниками находится «зазор», полоса непонимания, которая и не позволяет направить разрешение конфликта в конструктивное русло. Если учесть, что конфликт чаще всего случается между неравными по каким-то параметрам сторонами (к примеру, по величине этнодемографического потенциала), то, вероятно, можно немалого достичь, сознательно используя прием психологической компенсации и тем самым разрушая барьер непонимания.

Здесь уместно вспомнить, что для нашей национальной политики так и осталась практически не востребованной ленинская идея о необходимости осуществления того неравенства между большими и малыми народами, которое существует в жизни фактически. А между тем для нормализации межнациональных отношений подобный подход имеет неоценимое значение.

И в самом деле, коль скоро именно малые народы испытывают на себе издержки централизации и интеграции, к ним должны быть проявлены особое внимание, такт и желание сократить то неравенство, которое отделяет их от крупных развитых наций. Но это можно сделать, специально заложив в осуществление национальных программ принцип компенсации, возмещения той недостаточности, которую испытывают малые народы.

Речь идет, конечно, не о физическом или механическом уподоблении малых народов большим, их унификации с ними. Речь идет о другом, а именно, о том, чтобы малые народы ощущали себя равноправными участниками цивилизационного процесса. И, кстати, тем самым на практике подтвердился бы боровский принцип дополнительности. Но теперь уже применительно к сфере национальных общественных отношений. Точнее, возможность «перевода» отношений из противоположных в дополнительные друг другу. И если бы это стало фактом социальной действительности, тогда теоретическая высота и практическая польза сомкнулись бы. Что позволило бы сказать о появлении уникального образца единства теории и практики, науки и жизни.

В заключение хотелось бы отметить следующее. Этнический конфликт многомерен. Его можно рассматривать и как особый способ межнационального общения. Но если это так, то названный вид конфликта как массовое явление характеризуется не отрицанием или прекращением межнационального общения, а, напротив, его признанием и продолжением, пускай и в превращенной форме. Следовательно, в нем всегда заключена надежда, своего рода шанс на здравый смысл, на признание ненормальности переживаемой ситуации. Поэтому есть основание сказать, что в межнациональный (межэтнический) конфликт внутренне встроен «тормоз», найдя который, можно остановить логику безрассудства. Думается, об этом никогда не стоит забывать всем, кто на деле озабочен превращением межнациональной «дуэли» в интернациональный «дуэт».